

A. Lopez

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

*В двенадцати
томах*

Под общей редакцией
В. В. ЕРМИЛОВА, К. Д. МУРАТОВОЙ,
З. С. ПАПЕРНОГО, А. И. РЕВЯКИНА .

**Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963**

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том одиннадцатый

ПИСЬМА

1877—1892

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

Примечания
Н. И. Гитович

Оформление художника
Н. ШИШЛОВСКОГО

М. М. ЧЕХОВУ*10 мая 1877, Таганрог*

10-го V/77 года

**Любезный Брат
Миша!**

Не имея счастья тебя увидеть еще раз, я принимаюсь за чернила. Во-первых, позволь тебя братски поблагодарить за все, чем я пользовался от тебя во все пребывание мое в Москве; во-вторых, душевно радуюсь, что мы расстаемся задушевыми друзьями и братьями, а посему и осмеливаюсь надеяться и верю, что 1200 верст еще долго будут находиться между двумя переписующимися братьями, которые хорошо узнали друг друга, ничтожным расстоянием для поддержки на долгое время наших хороших отношений. Теперь последует моя просьба, которую ты, вероятно, исполнишь по ее незначительности: если я буду присылать письма моей мамаше чрез тебя, то, будь так добр, отдавай их мамаше не при всей компании, а тайно; бывают в жизни такие вещи, которые можно высказать только единому лицу, верному; вот это-то обстоятельство и заставляет меня писать мамаше тайно от других, которым тайны мои (а у меня особого рода и тайны есть, которые тебя интересуют или нет, я не знаю. Если хо-

чешь, то я тебе их выскажу) вовсе не интересны или, лучше сказать, не нужны. Вторая и последняя просьба будет поважнее. Будь так добр, продолжай утешать мою мать, которая разбита физически и нравственно. Она нашла в тебе не одного племянника, но и много другого, выше племянника. У моей матери характер такого сорта, что на нее сильно и благотворно действует всякая нравственная поддержка со стороны другого. Не правда ли, глупейшая просьба? Но ты поймешь ее, тем более что я сказал «нравственная», т. е. духовная, поддержка. Для нас дороже матери ничего не существует в сем разъехидственном мире, а посему премного обяжешь твоего покорного слугу, утешая его полуживую мать. Переписку мы будем вести, вероятно, как следует. А затем мимоходом замечу, что ты не будешь раскаиваться в том, что высказал мне многое; мне стоит только поблагодарить тебя за доверие ко мне. Знай, брат, что я им очень дорожу. Прощай, желаю тебе всего лучшего. Поклон Лизе и Грише и твоим товарищам.

Твой брат А. Чехов.

2

М. М. ЧЕХОВУ

29 июля 1877, Таганрог

29 июля 1877 года

Любезный Брат
Миша!

Во-первых, поздравляю тебя с благополучным приездом в Москву из Калуги, а во-вторых — с совершением свадьбы¹. Желаю моей и твоей сестре всякого благополучия, желаю ее мужу здоровья, денег и всевозможных земнородных благ. Дай бог, чтобы эта свадьба была не последней в твоём доме, не предпоследней и не третьей от конца, и чтобы все свадьбы проходили бы еще блистательней этой свадьбы, которая доставила много радости всему нашему мудрому Чеховскому поколению². Спасибо Екатерине Михай-

ловне, она положила начало... и вот не сегодня, так завтра, бог даст, я буду гулять на свадьбе и у Миши Чохова и т. д. Наши писали мне, что ты сыграл свадьбу на славу! Желаю, очень желаю, чтобы побольше было таких братьев для сестер, как ты. Мы все для одной сестры не сделаем того, что ты делаешь для всех сестер (не исключая и двоюродных). Хвала тебе и честь! Одно только досадно: я не был на свадьбе и не пил с тобой, как пил в Москве. А я люблю всевозможные гульбища, русские гульбища, сопряженные с плясками, с танцами, с винопийством. Одним словом, наш брат Исакий не то, что Акакий. Сие письмо я пишу тебе, находясь в вожделенном здравии, и надеюсь, что оно застанет тебя тоже в добром здравье и хорошем расположении духа. Я получил пригласительный билет 16-го сего июля и благодарю 1000 раз за внимание. Чего ты мне не пишешь? Пиши, братец! Я жду каждый день письмо, написанное твоею рукой. Напиши, как ты поживаешь, как поживает твоя семья, как поживает Елизавета Михайловна, с которой я не успел хорошо познакомиться. Грише нижайший поклон. Увидишь моего папашу, так скажи ему, что я получил его дорогое письмо и очень ему благодарен³. Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от плохой жизни, готовит им мягкий и короткий путь, в который они веруют и надеются так, как немногие. Взгляни на твоих двоюродных братьев и на положение дяди и тетки, ты согласишься со мной. Скажешь матери, что я послал 2 денежных пакета⁴ и удивляюсь не получению. Кланяйся нашему студенту⁵ и скажи ему, чтобы он меня извинил за то, что я ему не пишу. Я ему собираюсь писать о полигамии, которой защитником подпишусь я. Саша своего рода хороший человек; не знаю, за что он считает меня нигилистом. Скажи Коле, что у Гаврилова в магазине были две жидовки Роза Михайловна и Вера Михайловна Эпштейн и кланя-

лись ему. Выдумай какое-нибудь рандеву на каком-нибудь бульваре.

Пришли же карточки, которые ты обещал. Я, если снимусь, то тебе первому пришлю. Кланяйся своим товарищам по службе, а в особенности Аполлону Ивановичу, который со мной очень хорошо знаком и обещался даже вести переписку. А особенный же мой, самый нижайший поклон передай Елизавете и Александре Михайловнам. Пиши мне, я дорожу и горжусь твоими письмами. Я послал в Калугу ответ на пригласительный билет. Кланяйся Петровым и пожелай всего лучшего желающему тебе всего и уважающему тебя брату А. Чехову.

Ну что, каков Ваня?

3

М. П. ЧЕХОВУ

Между 6 и 8 апреля 1879, Таганрог

Дорогой брат Миша!

Письмо твое я получил как раз в самый разгар ужаснейшей скуки, зевая у ворот, а потому ты можешь судить, как оно, огромное, пришлось весьма кстати. Почерк у тебя хорош, и во всем письме я не нашел у тебя ни единой грамматической ошибки. Не нравится мне одно: зачем ты величаешь особу свою «ничтожным и незаметным братишкой». Ничтожество свое признаешь? Не всем, брат, Мишам надо быть одинаковыми. Ничтожество свое признавай, знаешь где? Перед богом, пожалуй, пред умом, красотой, природой, но не перед людьми. Среди людей нужно признавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность. Не смешивай «смиряться» с «сознавать свое ничтожество». Георгий вырос. Мальчик он добрый. Я с ним часто играю в бабки. Посылки твои он получил. Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь. Мадам Бичер-Стоу выжала из глаз твоих слезы? Я же

когда-то читал, прочел и полгода тому назад с научной целью и почувствовал после чтения неприятное ощущение, которое чувствуют смертные, наевшись не в меру изюму или коринки¹. Дубанос, тебе обещанный, сбежал, и место его пребывания мне весьма мало известно. Умудрюсь привезти тебе что-нибудь другое. Прочти ты следующие книги: «Дон-Кихот» (полный, в 7 или 8 частей). Хорошая вещь. Сочинение Сервантеса, которого ставят чуть ли не на одну доску с Шекспиром. Советую братьям прочесть, если они еще не читали, «Дон-Кихот и Гамлет» Тургенева. Ты, брате, не поймешь. Если желаешь прочесть нескучное путешествие, прочти «Фрегат «Паллада» Гончарова и т. д. Маше через тебя посылаю особенный поклон. О том, что приеду поздно, не горюйте². Время бежит живо, как ни хвастай скукой. Я привезу с собой пансионера, который будет платить 20 руб. в месяц и находиться под нашим собственным ведением. Еду к его маменьке торговаться. Молитесь!! Впрочем, и 20 руб. мало, если принять в соображение московскую дороговизну и мамашин характер, — кормить жильца по-божески. Наши учителя берут по 350 р., а кормят бедных мальчишек, как собак, юшкой от жаркого.

А. Чехов.

4

Н. А. ЛЕЙКНУ

12 января 1883, Москва

3 $\frac{12}{1}$

Милостивый государь
Николай Александрович!

В ответ на Ваши любезные письма посылаю Вам несколько вещей¹. Гонорар получил, журнал тоже получаю (по вторникам); приношу благодарность за то и другое. Благодарю также и за лестное приглашение продолжать сотрудничать². Сотрудничаю я в «Осколках» с особенной охотой. Направление Вашего жур-

нала, его внешность и уменье, с которым он ведется, привлекут к Вам, как уже и привлекли, не одного меня.

За мелкие вещицы стою горой и я, и если бы я издавал юмористический журнал, то херил бы все продолниновенное. В московских редакциях я один только бунтую против длиннот (что, впрочем, не мешает мне наделять ими изредка кое-кого... Против рожна не пойдешь!), но в то же время, сознаюсь, рамки «от сих и до сих» приносят мне немало печалей. Мириться с этими ограничениями бывает иногда очень не легко. Например... Вы не признаете статей выше 100 строк, что имеет свой резон... У меня есть тема. Я сажусь писать. Мысль о «100» и «не больше» толкает меня под руку с первой же строки. Я сжимаю, елико возможно, процеживаю, херю — и иногда (как подсказывает мне авторское чутье) в ущерб и теме и (главное) форме. Сжав и процедив, я начинаю считать... Насчитав 100—120—140 строк (больше я не писал в «Осколки»), я пугаюсь и... не посылаю. Чуть только я начинаю переваливаться на 4-ю страницу почтового листа малого формата, меня начинают есть сомнения, и я... не посылаю. Чаще всего приходится наскоро пережевывать конец и посылать не то, что хотелось бы... Как образец моих печалей, посылаю Вам статью «Единственное средство». Я сжал ее и посылаю в самом сжатом виде, и все-таки мне кажется, что она чертовски длинна для Вас, а между тем, мне кажется, напиши я ее вдвое больше, в ней было бы вдвое больше соли и содержания. Есть вещи поменьше — и за них боюсь. Иной раз послал бы, и не решаешься...

Из сего проистекает просьба: расширьте мои права до 120 строк... Я уверен, что я редко буду пользоваться этим правом, но сознание, что у меня есть оно, избавит меня от толчков под руку³.

А засим примите уверение в уважении и преданности покорнейшего слуги.

Ант. Чехов.

Р. S. К Новому году я приготовил Вам конверт весом в 3 лота. Явился редактор «Зрителя» и похитил его у меня. Отнять нельзя было: приятель⁴. Наши ре-

дакторы читают филиппики против москвичей, работающих и на Петербург. Но едва ли Петербург отнимает у них столько, сколько проглатывают гг. цензора. В несчастном «Будильнике» зачеркивается около 400—800 строк на каждый номер. Не знают, что и делать.

5

А. П. ЧЕХОВУ

20-е числа февраля 1883, Москва

Доброкачественный брат мой, Александр Павлович!

Первым делом поздравляю тебя и твою половину с благополучным разрешением и прибылью, а г. Таганрог со свеженькой гражданкой. Да живет (...крестись!) новорожденная многие годы, преизбыточествуя (крестись!) красотой физической и нравственной, златом, гласом, толкастикой, и да цапнет себе со временем мужа доблестна (крестись, дурак!), прельстив предварительно и повергнув в уныние всех таганрогских гимназистов!!!

Принеся таковое поздравление, приступаю прямо к делу. Сейчас Николка сунул мне на прочтение твое письмо¹. Вопрос о праве «читать или не читать», за неимением времени, оставим в стороне. Относись письмо к одной только Николкиной персоне, я ограничился бы поздравлением, но письмо твое затрагивает сразу несколько вопросов, весьма интересных. О сих вопросах я и хочу потолковать. Мимоходом дам ответ и на все твои предшествовавшие скрижали. К сожалению, у меня нет времени написать много, как бы следовало. Благовидности и обстоятельности ради прибегну к рамкам, к системе: стану по ниточкам разбирать твое письмо, от «а» до «ижицы» включительно. Я критик, оно — произведение, имеющее беллетристический интерес. Право я имею, как прочитавший. Ты взглянешь на дело как автор — и все обойдется благополучно. Кстати же нам, пишущим, не мешает попробовать свои силишки на критиканстве. Предупреждение необходимо: суть в вышеписанных вопросах,

только; буду стараться, чтобы мое толкование было по возможности лишено личного характера.

1) Что Николка не прав — об этом и толковать не стоит. Он не отвечает не только на твои письма, но даже и на деловые письма; невежливее его в этом отношении я не знаю никого другого. Год собирается он написать Лентовскому, который ищет его; полгода на этажерке валяется письмо одного порядочного человека, валяется без ответа, а ради ответа только и было писано. Балалаечней нашего братца трудно найти кого другого. И что ужаснее всего — он неисправим... Ты разжалобил его своим письмом, но не думаю, чтобы он нашел время ответить тебе. Но дело не в этом. Начну с формы письма. Я помню, как ты смеялся над дядиными манифестами...² Ты над собой смеялся. Твои манифесты соперничают по сладости с дядиными. Все есть в них: «обнимите»... «язвы души»... Недостает только, чтобы ты прослезился... Если верить дядькиным письмам, то он, дядя, давно уже должен истечь слезой. (Провинция!) Ты слезоточишь от начала письма до конца... Во всех письмах, впрочем, и во всех своих произведениях... Можно подумать, что ты и дядя состоите из одних только слезных желез. Я не смеюсь, не упражняю своего остроумия... Я не тронул бы этой слезоточивости, этой одышки от радости и горя, душевных язв и проч., если бы они не были так несвоевременны и... пагубны. Николка (ты это отлично знаешь) шалаберничает; гибнет хороший, сильный, русский талант, гибнет ни за грош... Еще год-два, и песня нашего художника спета. Он сотрется в толпе портерных людей, подлых Яронов³ и другой гадости... Ты видишь его теперешние работы... Что он делает? Делает все то, что пошло, копеечно... а между тем в зале стоит начатой замечательная картина. Ему предложил «Русский театр» иллюстрировать Достоевского... Он дал слово и не сдержит своего слова, а эти иллюстрации дали бы ему имя, хлеб... Да что говорить? Полгода тому назад ты видел его и, надеюсь, не забыл... И вот, вместо того чтобы поддержать, подбодрить талантливого добряка хорошим, сильным словом, принести ему неоцененную пользу, ты пишешь жалкие,

тоскливые слова. Ты нагнал на него тоску на полчаса, расквасил его, раскислил, и больше ничего... Завтра же он забудет твое письмо. Ты прекрасный стилист, много читал, много писал, понимаешь вещи так же хорошо, как и другие их понимают,—и тебе ничего не стоит написать брату хорошее слово... Не нотацию, нет! Если бы вместо того, чтобы слезоточить, ты потолковал с ним о его живописи, то он, это верно, сейчас уселся бы за живопись и, наверное, ответил бы тебе. Ты знаешь, как можно влиять на него... «Забыл... пишу последнее письмо» — все это пустяки, суть не в этом... Не это нужно подчеркивать... Подчеркни ты, сильный, образованный, развитой, то, что жизненно, что вечно, что действует не на мелкое чувство, а на истинно человеческое чувство... Ты на это способен... Ведь ты остроумен, ты реален, ты художник. За твое письмо, в котором ты описываешь молебен на пальях (с гаттерасовскими льдами) ⁴, будь я богом, простил бы я тебе все твои согрешения вольные и невольные, я же делом, словом... (Кстати: Николке, прочитавшему это твое письмо, ужасно захотелось написать пали.) Ты и в произведениях подчеркиваешь мелюзгу... А между тем ты не рожден субъективным писакой... Это не врожденное, а благоприобретенное... Отречься от благоприобретенной субъективности легко, как пить дать... Стоит быть только почестней: выбрасывать себя за борт всюду, не совать себя в герои своего романа, отречься от себя хоть на 1/2 часа. Есть у тебя рассказ, где молодые супруги весь обед целуются, ноют, толкут воду... Ни одного дельного слова, а одно только *благодарю!* А писал ты не для читателя... Писал, потому что тебе приятна эта болтовня. А опиши ты обед, как ели, что ели, какая кухарка, как пошел твой герой, довольный своим ленивым счастьем, как пошла твоя героиня, как она смешна в своей любви к этому подвязанному салфеткой, сытому, обьевшемуся гусю... Всякому приятно видеть сытых, довольных людей — это верно, но чтобы описывать их, мало того, что *они* говорили и сколько раз поцеловались... Нужно кое-что и другое: отречься от того личного впечатления, которое производит на всякого незлобленного медовое

счастье... Субъективность ужасная вещь. Она не хороша уже и тем, что выдает бедного автора с руками и ногами. Бьюсь об заклад, что в тебя влюблены все поповны и писарши, читавшие твои произведения, а будь ты немцем, ты пил бы даром пиво во всех биргалках, где торгуют немки. Не будь этой субъективности, этой чмыревщины, из тебя вышел бы художник полезнейший. Умеешь так хорошо смеяться, язвить, надсмехаться, имеешь такой кругленький слог, перенес много, видел чересчур много... Эх! Пропадает даром материал. Хоть бы в письма его совал, подкураживал Николкину фантазию... Из твоего материала можно ковать железные вещи, а не манифесты. Каким нужным человеком можешь ты стать! Попробуй, напиши ты Николке раз, другой раз, деловое слово, честное, хорошее — ведь ты в 100 раз умней его, — напиши ему, и увидишь, что выйдет... Он ответит тебе, как бы ни был ленив... А жалких, раскисляющих слов не пиши: он и так раскис...

«Не много надо чутья, — пишешь ты далее, — чтобы понять, что, уезжая, я отрезывал себя от семьи и обрекал себя забвению...» Выходит, что тебя забыли. Что ты и сам не веришь в то, что пишешь, и толковать не стоит. Лгать незачем, друг. Зная ноющий характер матери и Николая, который в пьяном виде вспоминает и лобызает весь свет, ты не мог этого написать; если бы не слезные железы, ты не написал бы этого.

«Я ожидал и, конечно, дождался...» Пронять хочешь... Нужно пронять, очень нужно, но проймешь не такими словами. Это цитаты из «Сестренки»⁵, а у тебя есть и поделней вещи, которые ты с успехом мог бы цитировать.

2) «Отец написал мне, что я не оправдал себя» и т. д. Пишешь ты это в 100-й раз. Не знаю, чего ты хочешь от отца? Враг он курения табаку и незаконного сожительства — ты хочешь сделать его другом? С матерью и теткой можно проделать эту штуку, а с отцом нет. Он такой же кремень, как раскольники, ничем не хуже, и не сдвинешь ты его с места. Это его, пожалуй, сила. Он, как бы сладко ты ни писал, вечно

будет вздыхать, писать тебе одно и то же и, что хуже всего, страдать... И как будто бы ты этого не знаешь? Странно. Извини, братец, но мне кажется, что тут немаловажную роль играет другая струнка, и довольно-таки скверненькая. Ты не идешь против рожна, а как будто бы заискиваешь у этого рожна... Какое дело тебе до того, как глядит на твое сожительство тот или другой раскольник? Чего ты лезешь к нему, чего ищешь? Пусть себе смотрит, как хочет... Это его, раскольническое дело... Ты знаешь, что ты прав, ну и стой на своем, как бы ни писали, как бы ни страдали... В (незаискивающем) протесте-то и вся соль жизни, друг. Всякий имеет право жить с кем угодно и как угодно,— это право развитого человека, а ты, стало быть, не веришь в это право, коли находишь нужным подсылать адвокатов к Пименовнам и Стаматичам. Что такое твое сожительство с твоей точки зрения? Это твое гнездо, твоя теплынь, твое горе и радость, твоя поэзия, а ты носишься с этой поэзией, как с украденным арбузом, глядишь на всякого подозрительно (как, мол, он об этом думает), суешь ее всякому, ноешь, стонешь... Будь я твоей семьей, я бы по меньшей мере обиделся. Тебе интересно, как я думаю, как Николай, как отец?! Да какое тебе дело? Тебя не поймут, как ты не понимаешь «отца шестерых детей», как раньше не понимал отцовского чувства... Не поймут, как бы близко к тебе ни стояли, да и понимать незачем. Живи, да и шабаш. Сразу за всех чувствовать нельзя, а ты хочешь, чтобы мы и за тебя чувствовали. Как увидишь, что наши рожи равнодушны, то и ноешь. Чудны дела твои, господи! А я бы на твоём месте, будь я семейный, никому бы не позволил не только свое мнение, но даже и желание понять. Это мое «я», мой департамент, и никакие сестрицы не имеют права (прямо-таки в силу естественного порядка) совать свой, желающий понять и умилиться, нос! Я бы и писем о своей отцовской радости не писал... Не поймут, а над манифестом посмеются — и будут правы. Ты и Анну Ивановну настроил на свой лад. Еще в Москве она при встрече с нами заливалась горячими слезами и спрашивала: «Неужели в

30 лет... поздно?» Как будто бы мы ее спрашивали... Наше дело, что мы думали, и не ваше дело объяснять нам. Треснуть бы я себя скорей позволил, чем позволил бы своей жене кланяться братцам, как бы высоки эти братцы ни были! Так-то... Это хорошая тема для повести. Повесть писать некогда.

3) «От сестры я не имею права требовать... она не успела еще составить обо мне... непаскудного понятия. А заглядывать в душу она еще не умеет...» (Заглядывать в душу... Не напоминает ли это тебе урядническое чтение в сердцах?) Ты прав... Сестра любит тебя, но понятий никаких о тебе не имеет... Декорации, о которых ты пишешь, сделали только то, что она *боится* о тебе думать. Очень естественно! Вспомни, поговорили ты с нею хоть раз по-человечески? Она уже большая девка, на курсах, засела за серьезную науку, стала серьезной, а сказал, написал ли ты ей хоть одно серьезное слово? Та же история, что и с Николаем. Ты молчишь, и не мудрено, что она с тобой незнакома. Для нее чужие больше сделали, чем ты, свой... Она многое могла бы почерпнуть от тебя, но ты скуп. (Любовью ее не удивишь, ибо любовь без добрых дел мертва есть.) Она переживает теперь борьбу, и какую отчаянную! Диву даешься! Все рухнуло, что грозило стать жизненной задачей... Она ничем не хуже теперь любой тургеневской героини... Я говорю без преувеличений. Почва самая благотворная, знай только сей! А ты лирику ей строчишь и сердишься, что она тебе не пишет! Да о чем она тебе писать будет? Раз села писать, думала, думала и написала о Федотихе... Хотела бы еще кое-что написать, да не нашлось человека, который поручился бы ей, что на ее слово не взглянут оком Третьякова и К^о. Я, каюсь, слишком нервен с семьей. Я вообще нервен. Груб часто, несправедлив, но отчего сестра говорит мне о том, о чем не скажет ни одному из вас? А, вероятно, потому, что я в ней не видел только «горячо любимую сестру», как в Мишке не отрицал человека, с которым *следует* обязательно говорить. А ведь она человек и даже, ей-богу, человек. Ты шутишь с ней: дал ей вексель, купил в долг стол, в долг часы... Хо-